

Альтер М.

Тринадцатая ступень

Альтер М.

Тринадцатая ступень

«Автор»

2026

М. А.

Тринадцатая ступень / А. М. — «Автор», 2026

Студент исторического факультета Артём случайно обнаруживает в старом университете загадочную лестницу с меняющимся количеством ступеней. Спустившись в подвал, он попадает в параллельный мир, где время течёт иначе, а здание населено застывшими фигурами людей. В этом мрачном месте, где свечи заменяют электричество, а воздух пропитан запахом воска и формальдегида, Артём понимает, что оказался в ловушке. Чтобы выжить, ему нужно продержаться 24 часа, не заснуть и не прикоснуться к зловещим манекенам из плоти. Но за ним уже охотится нечто тёмное, питающееся страхом и готовое поглотить любого, кто осмелится нарушить покой этого проклятого места. Атмосферный мистический триллер о грани реальности, где каждый шаг может стать последним, а выход из лабиринта ужаса таит в себе новые загадки.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лестница, которой не было	5
Глава 2. Двадцать четыре часа	11
Глава 3. Шёпот за спиной	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Альтер М.

Тринадцатая ступень

Глава 1. Лестница, которой не было

Старое здание университета дышало историей, и дыхание это было спёртым, тяжёлым, пропитанным вековой пылью и запахом слежавшихся книг. Его стены, сложенные из тёмно-красного кирпича ещё в те времена, когда об электричестве здесь не слыхивали, помнили многое. Они помнили шаги поколений, смех и слёзы, триумфы открытий и горечь разочарований. Теперь, поздним ноябрьским вечером, они были свидетелями лишь гулкой, вязкой тишины, нарушаемой только завыванием ветра в старых оконных рамах да редким скрипом разошедшихся половиц.

Артём, студент четвёртого курса исторического факультета, знал это здание как свои пять пальцев. Точнее, ему так казалось. Каждая трещинка на потолке в аудитории номер четыре, каждый выщербленный угол на лестничном марше, ведущем к библиотеке, каждое пятно на пожелтевшем линолеуме в коридоре кафедры археологии были ему до боли знакомы. За четыре года он, казалось, изучил здесь каждый сантиметр. Он мог с закрытыми глазами пройти от входа до деканата, насчитать все ступеньки главной лестницы и безошибочно найти нужный стеллаж в бесконечных лабиринтах книгохранилища.

Но была в этом здании одна странность, о которой не говорили вслух. Вернее, говорили шёпотом, в курилках, за кружкой пива в дешёвых кафе неподалёку, но всегда с нервным смешком, словно отгоняя от себя назойливую мысль. Странность эта касалась лестницы.

Не главной, широкой, парадной, с мраморными ступенями и коваными перилами, что вела с первого на второй этаж под портретами великих учёных. И не той, что находилась в боковом крыле, узкой и крутой, соединяющей этажи с пятого по седьмой. Речь шла о лестнице, ведущей в подвал. Той самой, что пряталась за массивной, вечно запертой, но на деле не запертой дверью в конце длинного, тёмного коридора рядом с архивом.

Студенческая легенда, простая и оттого ещё более жуткая, гласила: на этой лестнице всегда двенадцать ступеней. Всегда. Начни ты спускаться с верхней площадки, считая шаги, — на счёт «двенадцать» твоя нога обязательно коснётся бетонного пола подвала. Поднимайся ты снизу вверх — снова двенадцать, и ты на первом этаже. Это было непреложным правилом, одной из тех незыблемых констант, на которых держится мироздание, вроде восхода солнца или силы земного притяжения.

Артём не верил в легенды. Он был человеком фактов, дат и археологических слоёв. Он искал истину в рукописях, а не в рассказах впечатлительных первокурсников. Он знал, что это просто лестница, и, разумеется, на ней двенадцать ступеней, потому что её такой построили. И всё же, проходя мимо той двери, он всегда инстинктивно ускорял шаг и отводил взгляд, словно боялся, что из-под неё вдруг просочится что-то тёмное и липкое. Что-то, чего не должно быть в рациональном мире.

Тот вечер был особенно мерзким. Моросил мелкий, противный дождь, гонимый порывами ледяного ветра. Свинцовые тучи, низко нависшие над городом, казалось, давили на крыши, вгоняя в тоску и апатию. Внутри здания было немногим лучше. Старое отопление едва справлялось, и по коридорам гуляли сквозняки, заставляя ёжиться и мечтать о горячем чае. Уличные фонари, едва пробиваясь сквозь пелену дождя, рисовали на стенах размытые, дрожащие пятна света.

Артём задержался в университете допоздна. Ему нужно было забрать у научного руководителя стопку сканированных документов для курсовой — старых карт и планов города,

необходимых для анализа планировки средневековых укреплений. Профессор Горин, старый, рассеянный человек с вечно испачканными мелом пальцами, передал ему папку, пробормотав что-то невнятное о важности первоисточников и о том, что молодёжь нынче ленива. Артём, слушая его вполуха, думал лишь о том, как побыстрее добраться до общежития, выпить кружку чего-нибудь обжигающего и завалиться спать.

Но когда он вышел из кабинета, часы в конце коридора глухо пробили девять. Уборщица, тётя Валя, уже прошлась по этажу, оставив после себя запах дешёвого дезинфицирующего средства и мокрые разводы на полу. Университет погрузился в сон. Точнее, в то состояние полудрёмы, когда из его углов начинает выползать нечто, что прячется днём за гомоном голосов и шарканьем сотен ног.

Он решил сократить путь. Вместо того чтобы идти к центральному выходу через главный вестибюль и парадные двери, которые в это время наверняка уже заперты, он вспомнил о старом, чёрном ходе. Он находился в самом конце подвала, и к нему вела та самая лестница. Тот путь был короче и позволял выйти прямо во внутренний двор, откуда рукой подать до автобусной остановки. Раньше он редко пользовался этим маршрутом — то ли из-за смутной неприязни к мрачному подвалу, то ли из-за нежелания оставаться наедине с той самой легендой. Но сегодня усталость и желание поскорее оказаться дома пересилили.

Коридор, ведущий к заветной двери, в этот час был особенно пустынен. Эхо его шагов, казалось, разбивалось о стены на тысячи осколков, порождая неясный, тревожный гул. Лампы дневного света, висевшие под потолком, монотонно жужжали, то затухая, то вспыхивая с новой силой, заставляя тени на стенах плясать в безумном, рваном ритме. Дверь архива, окованная железом, была, как всегда, закрыта на старинный висячий замок. А вот деревянная дверь рядом с ней, выкрашенная в невзрачный тёмно-зелёный цвет и испещрённая многочисленными царапинами, оказалась приоткрыта. Из узкой щели тянуло сухим, прохладным воздухом, пахнувшим пылью и чем-то сладковатым, напоминающим запах старого воска.

Артём на мгновение замер, прислушиваясь. Из-за двери не доносилось ни звука. Тишина в университете, казалось, обрела физическую плотность, она давила на перепонки, словно вязкая, оседаемая масса. Он тронул створку рукой. Дерево было шершавым и ледяным. Дверь со скрипом отворилась, явив ему зев лестничного пролёта. Это и была та самая лестница.

Ступени были бетонными, стёртыми до гладкости тысячами ног. Стены выкрашены масляной краской, которая в этом тусклом свете выглядела как запёкшаяся кровь. Наверху, на площадке, стоял старый пожарный ящик с давно вытекшим из песка содержимым. С площадки вниз уходил короткий, крутой марш.

Он бросил взгляд на ступени, и в груди у него шевельнулось то самое, давно забытое чувство детского, иррационального страха, которое он гнал от себя всеми силами. Легенда, эта дурацкая легенда. Но он не был первокурсником. Он, Артём Соколов, студент четвёртого курса, должен вести себя соответственно.

«Двенадцать ступеней, — усмехнулся он про себя, пытаясь придать мыслям твёрдость. — Ни больше, ни меньше».

Он сделал первый шаг. Его нога опустилась на холодный бетон. Он начал спускаться, не считая, пытаясь думать о курсовой. Но какая-то сила, какой-то тёмный, шепчущий червь любопытства, гнездившийся в самой глубине подсознания, заставил его начать считать.

— Раз, — пробормотал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Второй шаг. Третий. Четвёртый. Ступени были короткими, и спускаться по ним было неудобно. Эхо его шагов гулко отражалось от стен, создавая ощущение, будто кто-то идёт следом, повторяя каждое его движение. Он остановился на мгновение, прислушался. Тишина. Только лёгкий гул вентиляции.

— Пять, — произнёс он шёпотом, словно боялся разбудить нечто, дремлющее в этой тишине.

Шесть. Семь. Восемь. Воздух становился холоднее. Запах воска усилился, к нему при­мешивался отчётливый запах земли и сырости, идущий снизу, из подвала. Он почти добрался до низа. Оставалось совсем немного.

— Девять. Десять. Одиннадцать. — Сердце забилося быстрее. Он не спускался по этой лестнице уже очень давно, но был уверен, что помнит всё точно. — Двена...

Он замер, так и не опустив ногу. Она зависла в воздухе над ступенью. Потому что его взгляд, устремлённый вниз, упёрся не в бетонный пол подвала, а в ещё одну, тринадцатую ступень.

Этого не могло быть. В висках застучало. Он стоял на одиннадцатой ступени, а впереди, в полумраке, уходили вниз две.

— Что за чушь, — прошептал он, пытаясь унять дрожь в голосе. — Двенадцать. Должно быть двенадцать.

Он оглянулся. Верхняя площадка, откуда он начал спуск, была там, вверху, в пятне тусклого света. Дверь, через которую он вошёл, была видна лишь как тёмное прямоугольное пятно. Всё было на своих местах.

Он снова посмотрел вниз. Его нога всё ещё висела в воздухе. Под ней, метрах в двух, виднелся пол подвала. Слабый свет откуда-то справа, видимо, от лампочки, горевшей в самом подвальном коридоре, освещал этот пол. И он отчётливо видел: последняя ступень была. И она вела вниз. Эта тринадцатая ступень была не такой, как остальные. Она выглядела... новее? Или, наоборот, старше? Бетон был не стёртым, а наоборот, каким-то шершавым, словно по нему никогда не ходили.

Мороз пробежал по спине, впиваясь ледяными иглами в затылок. Артём заставил себя дышать ровно. Это какая-то ошибка. Оптическая иллюзия. Усталость. Голод. Что угодно. Он, наверное, просто сбился со счёта, начав считать с площадки, а не с первой ступени.

Он глубоко вздохнул и поставил ногу на двенадцатую ступень. Звук его шага прозвучал глухо, как удар по пустому гробу. Затем, не давая себе времени на размышления, он решительно шагнул вниз, на ту самую, неожиданную тринадцатую ступень.

Он ожидал, что его нога коснётся пола. Но она коснулась всё той же шершавой поверхности. Ступень была реальной. Холодной и твёрдой. Он стоял на ней, чувствуя, как поджилки дрожат, а сердце колотится где-то в горле.

И тут свет наверху погас. Резко, без предупреждения. Лампа на площадке, мигавшая всё это время, умерла окончательно. И в тот же миг погас и тот слабый источник света внизу, из подвального коридора. Его накрыла абсолютная, непроглядная, осязаемая тьма. Тьма, в которой не было ни единого проблеска. Тьма, которая, казалось, имела вес и плотность, сдавливая грудь и не давая дышать.

Паника, холодная и липкая, словно щупальце какого-то глубоководного чудовища, сжала его внутренности. Он рванулся вниз, надеясь коснуться спасительного пола, но его нога снова наткнулась на ступень. Ещё одну! Четырнадцатую!

Он вскрикнул. Точнее, попытался вскрикнуть, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Разум отказывался воспринимать происходящее. Этого не могло быть. Ступени не могут появляться из ниоткуда. Он резко развернулся, пытаясь нащупать стену. Пальцы скользнули по чему-то гладкому и ледяному. Это была краска, точно такая же, как и на стенах. Но здесь, в крошечной тьме, она ощущалась как полированная кожа какой-то рептилии.

Он попытался нащупать перила, но их не было. Их вообще никогда не было на этой лестнице, но сейчас их отсутствие ощущалось особенно остро, оставляя чувство полной, всепоглощающей незащищённости. Он стоял на узком уступе, посреди абсолютной тьмы, не зная, что его ждёт впереди: бесконечный спуск в бездну или глухая стена.

Нужно было вернуться. Да, точно. Вернуться наверх. К двери. К свету. К жизни. Он развернулся и начал подниматься. Он не считал. Он просто карабкался вверх, хватаясь за гладкие,

скользкие стены, спотыкаясь о края ступеней. Сердце колотилось где-то в ушах, заглушая все прочие звуки. Кровь стучала в висках.

Одна ступень. Другая. Третья. Он поднимался, но тьма не отступала. Она была всё так же плотна и всеобъемлюща. Прошла, казалось, целая вечность. Ноги начали ныть от усталости. Он поднялся гораздо выше, чем спустился. Но двери всё не было. Верха не было. Ничего не было. Только он и бесконечная лестница, уходящая вверх, во тьму.

Остановившись, чтобы перевести дух, он прислушался. И услышал это. Тихий, едва различимый звук. Сначала он принял его за стук собственного сердца. Но нет. Это был стук капель. Размеренный, неторопливый. Где-то внизу. Там, откуда он только что поднялся. Капли падали на бетон, и звук этот эхом разносился по лестничному колодцу, многократно отражаясь от стен.

Но в университете не было протечек. Старые, толстые стены надёжно защищали от дождя. И тем не менее, звук был реальным. «Кап... кап... кап...»

И с каждым ударом капли ему становилось всё холоднее. Холод поднимался снизу, проникал сквозь подошвы ботинок, поднимался по ногам, сковывая суставы ледяными оковами. Запах воска почти исчез, сменившись густым, удушливым запахом мокрой земли и... формальдегида? Да, точно, отчётливый, знакомый по анатомическим залам, сладковато-тошнотворный запах консерванта. Так пахло в подвале медицинского корпуса, куда их однажды водили на экскурсию. Но они были в историческом корпусе! Откуда здесь этот запах?

Паника, которую он до этого сдерживал усилием воли, начала прорываться. Она растекалась по телу горячеей, пульсирующей волной, сметая остатки рациональности. Он рванулся вверх, не разбирая дороги, цепляясь за стены, которые теперь казались ему не твёрдыми, а какими-то податливыми, как застывающий воск. Лестница, казалось, изгибалась, вилась спиралью, уводя его всё дальше и дальше от реальности.

И вдруг, в крошечной тьме, раздался звук. Не капли. Не шаги. Голос. Или то, что можно было принять за голос. Это был даже не голос, а его имитация. Набор звуков, лишённых интонации, механических, бесстрастных. Словно заговорил старый, сломанный динамик.

— Дверь, — прошелестел голос откуда-то сверху. — Открыта.

Артём застыл как вкопанный. Волосы на его голове зашевелились. Он посмотрел наверх. И увидел это. Слабое, едва различимое пятно света. Дверной проём. Тусклый, серый свет сочился из него, разгоняя тьму. И в этом проёме он разглядел очертания той самой двери.

Не помня себя, он преодолел последние ступени и вывалился в этот проём, едва не упав. Он ожидал снова оказаться в знакомом коридоре рядом с архивом. Но то, что предстало его глазам, заставило его кровь застыть в жилах.

Он стоял в длинном, широком коридоре. Пол был выложен старинной, в мелкую клетку, плиткой. Стены, выкрашенные в тот же унылый, больничный зелёный цвет, были идеально ровными. Но самое главное — это освещение. Оно было не электрическим. Вдоль стен, через равные промежутки, стояли высокие, старинные канделябры, на которых горели толстые восковые свечи. Их пламя колебалось от несуществующего сквозняка, отбрасывая на стены причудливые, пляшущие тени.

Это был его университет. Он узнал этот коридор. Это был главный коридор второго этажа, тот, что вёл от ректората к актовому залу. Но в то же время — нет. Всё было не так. Во-первых, свечи. В реальном университете, разумеется, никогда не было канделябров со свечами. Во-вторых, плитка на полу была не привычной, тёмно-бордовой, а этой, бежевой и чёрной, в шахматном порядке. И, в-третьих, в воздухе висел тот самый запах. Густой, удушливый запах воска и формальдегида, смешанный в один одуряющий коктейль.

Артём сделал шаг вперёд. Его шаги по плитке прозвучали неестественно громко в этой гнетущей тишине. Звук эхом прокатился по коридору и затих где-то вдали. Он оглянулся на дверь, из которой только что вышел. Она была той самой, деревянной, но вместо зияющего

проёма лестницы за ней виднелся обычный кабинет. Сквозь матовое стекло он видел лишь серую пелену.

Он снова перевёл взгляд в коридор. И тут его взгляд упёрся в нечто, отчего его тело содрогнулось.

Впереди, метрах в пяти, спиной к нему, стоял человек. Это была женщина. Судя по фигуре, обтянутой старомодным, строгим платьем тёмно-синего цвета. Она стояла неподвижно, словно изваяние, вполоборота к одной из дверей, идущих вдоль стены. Волосы её были собраны в аккуратный пучок. Руки свободно опущены вдоль тела. Она была похожа на сотрудницу архива, погружённую в раздумья.

— Простите! — негромко позвал Артём, стараясь придать голосу вежливость. — Я, кажется, заблудился. Вы не подскажете, как пройти...

Он не закончил фразу. Женщина не пошевелилась. Ни один мускул на её теле не дрогнул. Она не обернулась на звук его голоса, не подала ни малейшего признака жизни. Артём сделал шаг ближе.

— Простите, вы меня слышите? — повторил он громче.

Тишина. Только свечи тихонько потрескивали в канделябрах.

Он подошёл ещё ближе. И вдруг заметил нечто странное. Кожа на её шее, на том участке, который был виден над воротником платья, была не естественного телесного цвета. Она была матовой, восковой. Она была слишком гладкой. Слишком совершенной. Ни морщинки, ни родинки, ни единого изъяна.

Дрожащей рукой Артём потянулся к ней. Его пальцы коснулись её плеча.

Он ожидал почувствовать тепло тела или хотя бы холод, свойственный неживым предметам. Но то, что он ощутил, не походило ни на что из его опыта. Плечо было тёплым. И в то же время — неживым. Оно было податливым, как плоть, но при этом упругим, словно набитым чем-то тяжёлым. Оно было похоже на плоть. Плоть без жизни.

Женщина медленно, с едва слышным, тошнотворным скрипом, словно шарнир, повернула голову на сто восемьдесят градусов, не шевеля при этом телом. Её лицо...

Это был не человек. Это была кукла. У неё не было глаз. На их месте зияли две чёрные, бездонные впадины. Вместо носа была лишь небольшая вмятина. А рот... Рот был приоткрыт, и внутри, среди ровных белых зубов, виднелся тёмный, сухой язык. Кожа была натянута на черепе, как перчатка, повторяя каждую косточку, каждую впадину. Она была идеальной, пугающей копией человеческого лица, но лишённой какой-либо мимики. Это была маска. Маска из живой плоти.

Артём отшатнулся, сдавленно вскрикнув. Его крик утонул в вязкой тишине, как камень в болоте. Он попятился, не сводя взгляда с этого нечеловеческого лица. Фигура, как ни в чём не бывало, снова медленно, с тем же чудовищным скрипом, повернула голову обратно, уставившись в стену своими пустыми глазницами.

— Этого не может быть, — зашептал Артём, пятясь назад. — Это сон. Это просто сон.

Он зажмурился, надеясь, что когда откроет глаза, то окажется в своей комнате в общегитии, и всё это окажется лишь кошмаром, порождённым усталостью и дурным запахом в библиотеке.

Он медленно открыл глаза. Он всё ещё был в коридоре. Вокруг стояли канделябры с горящими свечами. Пахло воском и формальдегидом. И вдалеке, в полумраке, он увидел ещё одну фигуру. Мужчину в строгом костюме. Он стоял так же неподвижно, глядя в пустоту. А за ним, у окна, он различил силуэт девушки, замершей в неестественной, угловатой позе.

Паника захлестнула его с головой. Он развернулся и бросился бежать. Он бежал по коридору, мимо этих безмолвных, неподвижных фигур, мимо дверей, из-под которых не пробивалось ни лучика света. Они стояли повсюду. Одиночные фигуры и небольшие группы. Они стояли и сидели на стульях вдоль стен. Их позы были естественными, живыми, но при этом

абсолютно статичными. Они были одеты, как люди. Они выглядели, как люди. Но это были не люди. Это были манекены. Манекены из плоти.

Он пробежал мимо одного, сидящего на лавке у стены. Это был молодой парень в джинсах и толстовке с капюшоном. В его руках была зажата книга. Его голова была слегка наклонена, словно он увлечённо читал. Но глаза, такие же пустые, как у той женщины, смотрели в одну точку на странице, ничего не видя.

Дальше, у окна, из которого лился ровный, серый, предрассветный свет, стояли два преподавателя. Они были обращены друг к другу, их рты были приоткрыты, словно они застыли в разгаре тихой беседы. Один из них, лысый, в очках, сжимал в руке папку. Казалось, что они замерли на полуслове.

Артём бежал, не чувствуя ног. Его разум, оглушённый нереальностью происходящего, отчаянно искал выход. Здание было точной копией его университета, но всё в нём было не так. Слишком чисто. Слишком тихо. Слишком пусто. И эти фигуры... Они были везде. Студенты, преподаватели, охранники, даже уборщица с ведром, стоящая на коленях посреди коридора и «моющая» пол сухой тряпкой.

Он повернул за угол, надеясь выйти к центральной лестнице, чтобы спуститься вниз, к выходу. Он не знал, куда бежит. Им двигало лишь одно желание: уйти, сбежать, спрятаться от этого кошмара.

Он выскочил на лестничную площадку. И замер. На ступенях широкой, парадной лестницы, там, где в обычном университете толпились студенты, стояли они. Десятки фигур. Они стояли, словно стадо, застигнутое врасплох в момент движения. Одни — застыв на подъёме, другие — на спуске. Их пустые лица были обращены в разные стороны. Некоторые головы были неестественно повёрнуты, словно их владельцы пытались оглянуться, но так и не смогли завершить движение.

И тогда Артём услышал бой часов.

Он доносился откуда-то сверху, с башни, которой в реальном университете не было. Глухой, металлический звон, отсчитывающий удары. Один. Два. Три. Он ждал, что прозвучит ещё, но часы остановились на трёх.

Три часа. Время здесь шло.

Артём прислонился к холодной стене, чувствуя, как слёзы отчаяния наворачиваются на глаза. Он не понимал, что происходит. Он не знал, где он. Он не знал, как вернуться.

Единственное, что он знал, глядя на эту бесконечную, безмолвную толпу застывших, лишённых душ тел, так это то, что он здесь не один. Он был окружён ими. Он был один среди них. И эта мысль была самой страшной.

Глава 2. Двадцать четыре часа

Бой часов, трижды прозвеневший в мёртвой тишине, ещё долго отдавался в висках Артёма. Звук был странным, будто ударили не по колоколу, а по гигантскому, пустому внутри камню. Он не рассыпался эхом, не плыл по коридорам, а словно расплющивался о стены, о пол, о воздух, делая окружающий мир ещё более плотным и вязким. Тишина после него наступила не сразу, а как-то исподволь, словно стекая с потолка и заполняя собой каждую щель, каждый угол, каждую пору этого проклятого здания.

Артём стоял, прижавшись спиной к холодной, шершавой стене лестничной площадки, и чувствовал, как бешено колотится сердце, норовя проломить рёбра. Во рту пересохло, язык казался чужим, обёрнутым в наждачную бумагу. Взгляд его не мог сфокусироваться на чём-то одном, он беспорядочно метался по неподвижным фигурам, заполонившим парадную лестницу, по их пустым глазницам, по их застывшим в нечеловеческом покое телам.

Их было много. Гораздо больше, чем ему показалось в первый момент. Они стояли на ступенях, на площадках, между пролётами. Они не толпились — нет, они были расположены с той естественной, органичной небрежностью, с какой настоящие люди заполняют пространство в час пик. Но в этой органичности и заключался главный ужас. Они были как моментальная фотография, как слепок времени, замерший навсегда. Казалось, что если закрыть глаза и резко открыть, то все они придут в движение, заговорят, зашумят, и тогда кошмар станет окончательным.

Артём закрыл глаза. Он стоял не дыша, вслушиваясь в тишину. Под веками плясали багровые пятна. Ни звука. Только тихое, едва уловимое потрескивание свечей, доносящееся из коридора, откуда он только что выбежал. И ещё один звук, который он сначала не мог идентифицировать. Это был даже не звук, а его отсутствие. Полное, абсолютное отсутствие каких-либо живых шумов. Не тикали часы, не гудела вентиляция, не доносился с улицы шум машин. Ничего. Мир был накрыт ватным одеялом мёртвого безмолвия.

Он заставил себя открыть глаза. Нужно было что-то делать. Нельзя было оставаться здесь, посреди этой застывшей, безмолвной толпы. Нужно было идти. Искать выход. Или хотя бы место, где можно спрятаться и подумать.

Он сделал робкий шаг в сторону лестницы, ведущей вниз. Ступень была мраморной, холодной, но, как ни странно, не скользкой. Артём с удивлением отметил, что мрамор выглядит новым, не стёртым, как в его родном университете. Ни одной трещинки, ни одной выбоины. Будто здание построили вчера, а не сто пятьдесят лет назад. И это тоже было неправильно.

Он начал спускаться, стараясь держаться края лестницы, максимально далеко от застывших фигур. С каждой ступенью к нему приходило новое осознание: это место — не просто копия. Это чудовищно точная, но при этом идеализированная копия его университета. Здесь не было облупившейся краски, выгоревших плакатов на стенах, потёков на потолке. Здесь всё было так, как задумывали архитекторы — строго, симметрично, выверенно до миллиметра. Даже воздух был другим, лишённым привычной университетской пыли и запаха старых книг. Вместо этого он был напитан воском и той самой сладковатой, тошнотворной химией, от которой першило в гортани.

Он ступил на площадку первого этажа. Здесь было ещё больше манекенов. Они стояли группками и поодиночке. Молодые люди и девушки, одетые в то, что в реальном мире можно было бы назвать повседневной студенческой формой: джинсы, свитера, куртки. Но здесь, в этом мёртвом свете, их одежда выглядела как униформа массовки в каком-то сюрреалистическом фильме. Всё было каким-то... правильным. Без единого пятнышка, без единой зацепки.

Он обогнул одну из групп. Три девушки стояли полукругом, наклонив головы друг к другу. Их волосы были уложены идеально, волосок к волоску. Их пустые глаза смотрели в пол.

Рты были сомкнуты. Они выглядели так, будто шептались о своём, девичьем, но Артём не сомневался, что если он прислушается, то не услышит ничего, кроме звенящей пустоты.

Вдалеке, у массивных входных дверей, он увидел фигуру охранника. Тот стоял за своей конторкой, выпрямившись, как на параде. Взгляд его пустых глазниц был устремлён прямо перед собой. Руки лежали на столешнице. Казалось, он смотрит на входящих. Но вместо этого он был слеп, нем и глух.

«Манекены, — пронеслось в голове Артёма. — Все они — манекены из плоти». Это определение, рождённое в панике, сейчас казалось самым точным. Они были сделаны из материала, который выглядел как кожа, но был ею лишь отчасти. Они были наполнены чем-то, что придавало им форму. Но в них не было жизни. Ни в одной из них.

Он подошёл к входным дверям. Огромные, двустворчатые, из тёмного дерева, с тяжёлыми, коваными ручками. Стекло в них было чистейшим, без единого развода. За стеклом... Ничего. Абсолютно ничего. Только плотная, серая, непроницаемая пелена, словно пространство за пределами здания было залито густым туманом. Или его вообще не существовало.

Артём навалился на дверь плечом, дёрнул за ручку. Дверь не поддавалась. Она была заперта. Или заколочена снаружи. Или... Он не стал додумывать. Он просто попытался снова, вкладывая всю свою силу, всё своё отчаяние. Бесполезно. Дерево даже не скрипнуло. Казалось, дверь была впаяна в стену, являлась её продолжением.

Он перевёл взгляд на окна, расположенные по обе стороны от входа. Они были высокими, от пола до потолка. И за всеми ними стояла та же непроницаемая, серая, мёртвая мгла. Свет, лившийся в здание, был ровным, лишённым источника. Он не исходил из тумана, он просто был. Сумеречный, серый, холодный. Свет, который не грел и не рассеивал тьму, а лишь делал её более различимой.

Его передёрнуло. Холод был не снаружи. Холод был внутри, в самом этом месте. Он исходил от стен, от пола, от этих неподвижных фигур. Он был не физическим, хотя кожа от него покрывалась мурашками, а чем-то глубинным, проникающим в самую душу.

Внезапно в абсолютной тишине раздался новый звук. Он был едва слышен, как шёпот осенних листьев, гонимых ветром. Шуршание. Оно доносилось откуда-то справа, из-за угла, ведущего в боковой коридор. Тихий, ритмичный шелест, похожий на звук, с которым тряпичная кукла волочится по гладкому полу.

Артём замер. Инстинкт подсказывал ему бежать, спрятаться. Но куда? Все двери, что он видел, были закрыты. А те, что могли быть открыты, вели в неизвестность. Он осторожно, стараясь не издавать ни звука, двинулся к углу. Сердце снова пустилось вскачь. В висках стучала одна-единственная мысль: «Они не двигаются. Они мертвы. Они не могут двигаться».

Шуршание стихло так же внезапно, как и началось. Наступила тишина. Но теперь она была другой, наполненной чьим-то незримым присутствием. Артём чувствовал его кожей, всем своим существом. Кто-то был там, за углом. И этот кто-то ждал.

Он затаил дыхание. Секунда. Вторая. Третья. Тишина звенела в ушах, становясь непереносимой. Он готов был уже развернуться и уйти, когда шуршание повторилось. На этот раз оно было ближе. И к нему примешивался ещё один звук. Влажное, чавкающее прикосновение. Словно кто-то босыми, мокрыми ступнями ступал по каменному полу.

Артём отступил на шаг. Потом ещё на один. Он не сводил глаз с угла, ожидая, что вот оттуда появится нечто. Кровь стучала в ушах, заглушая всё остальное. Прошла минута. Две. Никто не появился. Только теперь тишина снова стала полной, почти осязаемой.

Он выдохнул с облегчением, но это было облегчение обречённого. Он понял, что здесь, в этом месте, его страх — самое громкое, что есть. Он звенит, как камертон, привлекая к себе всё, что прячется во тьме.

Он заставил себя отвернуться от угла и оглядеть вестибюль. Его взгляд упал на гардероб. За длинной стойкой, на вешалках, висела одежда. Пальто, куртки, шарфы. Всё аккуратно

развешано. И среди этого порядка он заметил нечто странное. За стойкой гардероба, на полу, валялась записка. Маленький, белый листок бумаги, сложенный вчетверо.

Его появление здесь было таким же чужеродным, как и сам Артём. В этом мире идеального порядка и застывшей статичности не было места случайностям. Всё было на своих местах. А бумажка — нет. Она была инородным элементом. Артём подошёл к стойке. Ему пришлось обойти фигуру студента, который стоял, наклонившись и завязывая шнурок. Этот манекен был особенно отвратителен. Его лицо, лишённое глаз, было обращено к полу, но рот был широко открыт в беззвучном крике. Артём поёжился и, стараясь не смотреть на него, перегнулся через стойку и поднял листок.

Бумага была холодной и шершавой. Он развернул её. Внутри, неровным, скачущим почерком, явно написанным в спешке и страхе, было выведено несколько строк. Чернила были тёмно-синими, местами расплывшимися, словно на них попала вода.

«Если ты это читаешь, значит, ты тоже здесь. Знай: это не сон. Я проверял. Лестница вернёт тебя. Но только через двадцать четыре часа. Ровно. Здесь время идёт быстрее, чем у нас. Каждый час в этом месте... меняет тебя. Я видел, как это происходит. Они сначала перестают двигаться. Потом... они становятся такими, как эти. Не смотри им в глаза. Не прикасайся к ним. И не засыпай. Если ты уснёшь — ты останешься здесь навсегда».

Записка обрывалась на полуслове, словно её автор не успел дописать. Или ему помешали. Артём перечитал текст несколько раз, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Выходит, он не первый. Кто-то был здесь до него. Кто-то оставил это предупреждение. И этот кто-то, скорее всего, уже никогда не выбрался.

Он скомкал бумажку, и в этот момент его взгляд упал на его собственную руку. Он посмотрел на ладонь. Она была бледной, но кожа на ней была ещё прежней, живой. Он перевернул руку, стал разглядывать. Пока всё было нормально. Пока.

Его передёрнуло. Он снова посмотрел на фигуру студента, застывшего в нелепой позе. «Они сначала перестают двигаться». Потом становятся такими, как эти». Значит, этот студент был когда-то человеком. Живым человеком. Который попал сюда так же, как и Артём. И который не выдержал. Который уснул? Или просто дождался своего часа?

Артём встряхнул головой, отгоняя наваждение. Нет. Он не станет одним из них. Он выберется. Двадцать четыре часа — это сутки. Это не так уж и много. Нужно просто продержаться. Не спать. Не прикасаться к манекенам. И ждать, когда лестница снова станет... той самой.

Но как понять, когда пройдут эти двадцать четыре часа? Он не знал, сколько времени он уже здесь провёл. Часы, пробившие три, ничего не значили. Это было местное время, а он понятия не имел, как оно соотносится с реальным.

Артём бросил взгляд на свои наручные часы. Простые, кварцевые. Стрелки замерли на цифре десять. Они остановились. Конечно. Здесь, где даже время течёт по-другому, его жалкий механизм не мог работать.

Тогда он вспомнил о телефоне. Он сунул руку в карман куртки, нащупал холодный корпус. Экран загорелся, заставив его на мгновение зажмуриться от яркого света. Но это был свет, дающий надежду. Он посмотрел на время. Десять ноль пять. Значит, прошло всего пять минут с тех пор, как он вышел от профессора? Он поморгал, не веря своим глазам. Экран телефона показывал десять ноль пять. Дата та же. Но на дисплее не было ни одной палочки сети. Никакой связи с внешним миром.

Он открыл часы в телефоне и включил таймер. Обычное приложение, которое всегда выручало его на кухне, когда он варил пельмени. Теперь этот безобидный гаджет стал его единственным шансом на спасение. Он установил таймер на двадцать четыре часа и нажал на пуск. На экране появились цифры: двадцать три часа пятьдесят девять минут пятьдесят девять секунд. И побежали вниз.

Это было так просто и так обыденно, что Артём нервно рассмеялся. Тихо, в пустоту. Его смех разнёсся по вестибюлю, отразившись от стен и потолка каким-то болезненным, сдавленным эхом. Он тут же осёкся, испугавшись этого звука. Нельзя шуметь. Шум может привлечь внимание. Внимание чего? Он не знал. Но не хотел проверять.

Он положил телефон обратно в карман. Но перед этим открыл камеру и, наведя её на фигуру студента, сделал снимок. Просто чтобы было доказательство. Чтобы, если он всё-таки выберется, показать другим, что это не было галлюцинацией. Экран вспыхнул, запечатлевая изображение. Артём поднёс экран к глазам и вздрогнул. На фотографии не было ничего. Только тёмное, размытое пятно на том месте, где должна была быть фигура. Идеально ровный пол. И всё.

Он сглотнул. Ещё одна попытка. На этот раз он снял общий план вестибюля. Результат был тем же. Серые, пустые стены. Ни манекенов, ни свечей, ни тумана за окнами. Просто пустота. Значит, эти твари не отражаются в объективе. Или их не существует для техники. Или... Он поспешно выключил телефон и убрал его в карман, чтобы не видеть этих пугающих, пустых снимков. Ему нужно было двигаться. Сидеть на месте и пялиться в экран было нельзя. Отчаяние, как и сон, могло поглотить его.

Он поднялся с корточек и огляделся. Где искать спасение в этом проклятом месте? Первым делом нужно было найти ту самую лестницу. Ту, что привела его сюда. Она была за дверью возле архива. Сейчас он находился на первом этаже, в вестибюле. Архив был в противоположном крыле. Значит, путь лежит через коридоры.

Он двинулся вперёд, осторожно ступая по плитке. Теперь он обращал внимание на каждую деталь. Количество дверей, расположение поворотов, форму окон. Всё совпадало с его родным университетом, но с той же пугающей, стерильной точностью. Ни пылинки, ни паутинки. Полы блестели так, словно их только что натёрли.

В коридорах было темнее, чем в вестибюле. Свечи на канделябрах здесь горели реже, и потому тени сгущались, делая неподвижные фигуры ещё более зловещими. Они всё так же стояли, сидели, иногда лежали. Одна фигура, девушка, лежала прямо на полу, раскинув руки, лицом вниз. Её длинные, тёмные волосы рассыпались по плитке, словно водоросли. Артём обошёл её по широкой дуге, стараясь даже не дышать. От неё не исходило никакого запаха. Вообще. Он только сейчас понял, что эти существа не пахнут ничем. Ни парфюмом, ни грязью, ни кожей. Они были как вакуум, как пустые сосуды.

Когда он проходил мимо двери в читальный зал, он остановился. Дверь была приоткрыта, и из-за неё лился слабый, желтоватый свет. В реальном университете в это время читальный зал был уже закрыт. Здесь же, казалось, всё было наоборот. Артём осторожно заглянул внутрь.

Длинные ряды столов. На них горели маленькие настольные лампы, отбрасывая на потолок конусы света. И за каждым столом сидели они. Студенты, склонённые над книгами и конспектами. Их головы были опущены, пальцы застыли на страницах. Они сидели в тех позах, в каких застало их вечное оцепенение. Один парень ссутулился, обхватив голову руками. Его локти утопали в раскрытом учебнике. Другая девушка, с прямой, как струна, спиной, смотрела в пустой экран ноутбука. Ноутбук, к слову, не светился.

И в этой сцене, в этой застывшей, безмолвной картине усердия и труда, было нечто настолько противоестественное, настолько глумливо-издевательское, что Артём поспешил отпрянуть от двери. Ему показалось, что ещё мгновение — и все они, как по команде, поднимут свои пустые лица и повернут их к нему.

Он ускорил шаг, почти побежал. Ему нужно было найти лестницу. Найти то место, через которое он вошёл. Возможно, там, рядом с ней, он сможет переждать эти двадцать четыре часа. Он будет смотреть на дверь и ждать, когда она снова откроется.

Но чем дальше он шёл, тем сильнее его охватывало чувство, что коридор не кончается. Он стал длиннее. Намного длиннее, чем должен был быть. Артём помнил, что путь от вести-

бюля до архива занимает не больше трёх минут. Он шёл уже пять. Семь. Десять. А заветной двери всё не было.

Он остановился, чтобы перевести дух. Прислонился лбом к холодной стене. Нужно было мыслить здраво. В панике он мог свернуть не туда. Он поднял голову и огляделся. Вокруг были всё те же двери, таблички на которых ничего ему не говорили. «Кафедра философии». «Аудитория номер триста шесть». Откуда на первом этаже взялась аудитория с номером триста шесть? Это был абсурд. Нумерация аудиторий здесь не имела логики. Или это его уставший мозг путал реальность с вымыслом.

Ему вдруг стало страшно. Страшно, что он заблудился не в здании, а в лабиринте собственного разума, который уже начал видоизменяться, подстраиваться под этот кошмарный мир.

И тут он увидел их. Тени. Они скользили по дальней стене, в конце коридора. Две тени, отбрасываемые невидимыми фигурами. Они двигались. Медленно, плавно, как водоросли под водой. Одна из них была похожа на человеческую, но с непропорционально длинными, тонкими руками. Другая — бесформенная, клубящаяся, как дым.

Артём застыл, боясь пошевелиться. Он слышал биение своего сердца, гулкое, как удары молота. Тени, словно почувствовав его взгляд, остановились. Одна из них, та, что с длинными руками, медленно повернула... голову? Отросток? Артём не мог понять. Но он почувствовал этот взгляд. Ледяной, пронизывающий насквозь.

Он не стал дожидаться, пока тени решат приблизиться. Он рванул вперёд, в первый попавшийся боковой коридор. Прочь от этого взгляда. Прочь от этих теней.

Он бежал, не оглядываясь, пока не оказался в полной темноте. Здесь не было свечей. Совсем. Тьма была такой же густой, как на той проклятой лестнице. Он остановился, тяжело дыша. Прислушался. Сзади не было ни звука. Похоже, погони не было.

Постепенно его глаза начали привыкать к темноте. Из неё проступили очертания предметов. Это было похоже на подсобное помещение или архивный склад. Вдоль стен тянулись стеллажи, уставленные коробками и какими-то свёртками. Воздух здесь был спёртым, неподвижным. Но не было того запаха воска, который преследовал его повсюду.

Он сделал несколько шагов вглубь, ощупывая пространство перед собой руками. Пальцы наткнулись на пыльные коробки. Пыль? Здесь? В этом стерильном мире, где нет ни пылинки? Это было странно. Он провёл пальцем по поверхности стеллажа. На пальце остался серый, жирный слой. Пыль была реальной.

Он полез в карман за телефоном, чтобы включить фонарик. Экран снова загорелся, заставив его сощуриться. Он нашёл значок фонарика и нажал. Яркий луч света прорезал тьму, выхватив из неё часть комнаты. Это действительно был склад. Но не такой, как в его университете. Это был склад вещей. Личных вещей.

Вдоль стен, на полках, были аккуратно разложены рюкзаки, сумки, куртки, обувь. Словно кто-то собрал все вещи, оставленные студентами в гардеробе, и разложил их здесь с болезненной педантичностью. Артём подошёл ближе. Он узнал один из рюкзаков. Синий, с эмблемой футбольного клуба, которая была популярна среди его однокурсников. Он не был уверен, но видел похожий у парня с параллельного потока.

Он протянул руку и открыл рюкзак. Внутри лежали тетради, ручки, недоеденная шоколадка в помятой упаковке. Все вещи были чьими-то. Это было похоже на склад забытых вещей. Но не в бюро находок. Скорее, это был склад вещей тех, кто уже никогда за ними не вернётся.

Артёму стало не по себе. Он выключил фонарик и погрузился во тьму. Но перед этим он успел заметить ещё кое-что. На одной из полок, в глубине, стояла большая, стеклянная банка. Внутри неё что-то плавало. Что-то тёмное и бесформенное. Он не успел разглядеть, но воображение уже дорисовало картину. Он снова включил фонарик, движимый болезненным любопытством.

Луч света выхватил банку. Она была заполнена мутной, желтоватой жидкостью. И в этой жидкости, свернувшись калачиком, плавал человеческий зародыш. Совершенно обычный, на вид, но от этого не менее жуткий. Его крошечные глазки были закрыты. Пуповина, тонкая, как нить, тянулась к плаценте, лежащей на дне. На банке была приклеена этикетка с надписью, сделанной теми же скачущими буквами, что и в записке: «Не буди».

Артём отшатнулся, едва не выронив телефон. Он сделал шаг назад и споткнулся обо что-то мягкое. Падая, он выставил руки вперёд и ухватился за стеллаж. Но, падая, он успел понять, обо что споткнулся. Это был не коробок и не мешок с тряпьем. Это было тело. Ещё один манекен. Здесь, в этой комнате, во тьме, он лежал на полу, скрючившись в позе эмбриона.

Руки Артёма дрожали. Он направил луч фонарика на пол. Сначала он увидел только сгорбленную спину в тёмной, грубой ткани. Это был не студенческий манекен. Это было нечто иное. Тело было больше, грубее. Оно напоминало сторожа или бомжа. Голова его была наполовину скрыта капюшоном.

Но самым страшным было то, что это тело дышало.

Грудь его, обтянутая грязной курткой, медленно, едва заметно, поднималась и опускалась. Взгляд Артёма приковался к этому движению. Живое. Оно живое. Среди всех этих застывших оболочек это существо дышало.

И в этот момент из-под капюшона донёлся звук. Тихий, сдавленный хрип. А затем хрип сложился в слова.

— Уходи, — прошептало существо, не шевелясь. Голос был хриплым, проржавевшим, словно им не пользовались годами. — Оно почувствовало тебя. Твоё тепло. Твой страх. Оно уже идёт. Уходи отсюда. Беги.

Артём хотел спросить, кто он такой, откуда он знает, что происходит, но горло сжал спазм. Вместо слов вырвался лишь сдавленный хрип. Существо зашевелилось. Оно медленно повернуло голову. Луч света упал на его лицо. Это был не человек. Кожа на лице была обожжена, стянута рубцами, глаза — две белесые, подёрнутые плёнкой щели. Оно было слепое. Оно было чудовищно.

— Двадцать четыре часа, — прохрипело оно, и его голос сорвался в бульканье. — Это ловушка. Отсюда нет выхода... если только ты не сделаешь то, чего не сделал никто.

Артём попятился к двери, не смея отвести взгляд от этого лица. В ушах стоял звон. Запах формальдегида стал вдруг невыносимо сильным, забивая лёгкие, вызывая рвотные позывы. Он добрался до двери и вывалился обратно в коридор. Последнее, что он услышал из темноты, был тот же сдавленный, булькающий шёпот:

— Не доверяй тишине...

И снова наступила тишина. Но теперь Артём знал, что она — не пустота. Она — ожидание. Этот мир, этот университет, эти манекены — всё это было не просто декорацией. Это был живой, дышащий организм. И он пробудился. Пробудился ото сна, в который его погрузили тысячи застывших душ. И теперь этот организм, это «Оно», о котором говорил слепец, учуяло его. Нового гостя.

Артём побежал. На этот раз он бежал не разбирая дороги, гонимый животным страхом, который, казалось, приобрёл запах и цвет. Он бежал, зная, что теперь за ним охотятся. И что двадцать четыре часа — это целая вечность.

Глава 3. Шёпот за спиной

Коридор расплывался перед глазами, дрожал, словно отражение в потревоженной воде. Свечи в канделябрах, мимо которых бежал Артём, вспыхивали и гасли, будто он нёс с собой порыв невидимого ветра. Но ветра здесь не было. Воздух был мёртв, неподвижен, словно законсервирован. И всё же пламя металось, припадало к воску, вытягивалось в тонкие, дрожащие нити, словно само пространство содрогалось от его присутствия.

Он бежал, не разбирая дороги, сворачивая в случайные проходы, лишь бы уйти подальше от той тёмной комнаты, от того существа, которое дышало во тьме и говорило с ним голосом, пропитанным могильной сыростью. Слова его всё ещё звучали в голове, врезаясь в мозг раскалёнными иглами: «Оно уже идёт. Не доверяй тишине». Эти фразы пульсировали в такт ударам сердца, превращаясь в навязчивую, сводящую с ума мантру.

Он выскочил на перекрёсток двух коридоров и остановился, хватая ртом воздух. Грудь горела, в боку кололо, перед глазами плавали тёмные пятна. Ноги подкашивались от усталости и пережитого ужаса. Он не привык к таким нагрузкам, его тело, созданное для сидения в библиотеках и неспешных прогулок, протестовало против этого безумного бегства. Ему нужно было перевести дух, иначе он просто рухнет на пол и станет лёгкой добычей для того, что за ним охотилось.

Он прижался к стене, стараясь слиться с ней, сделаться невидимым. Огляделся по сторонам. Этот перекрёсток он помнил. В его университете здесь находился стенд с расписанием занятий и большая кадка с искусственной пальмой, вечно пыльной и унылой. Здесь же, в этом мире, на месте стенда висело огромное зеркало в тяжёлой, потемневшей от времени бронзовой раме. Зеркало было старым, с едва заметной амальгамной рябью, делающей отражение зыбким и нереальным.

Артём боялся смотреть в него. В зеркалах в подобных местах никогда не отражается ничего хорошего. Но какая-то тёмная, болезненная сила заставила его поднять глаза. Он заглянул в мутную глубину стекла.

Там, в отражении, коридор был пуст. Совершенно пуст. Не было ни свечей, ни фигур, ни самого Артёма. Только серые стены, уходящие в бесконечность, и бледный, мертвенный свет, льющийся из ниоткуда. Его не было в отражении. Он исчез. Словно его и не существовало вовсе. Он был призраком, блуждающим по этому миру, но не имеющим права на отражение.

От этого открытия внутри что-то оборвалось. Чувство нереальности происходящего стало абсолютным. Ему показалось, что он сам растворяется, превращается в сгусток страха и отчаяния, лишённый физической оболочки. Он резко отвёл взгляд от зеркала, боясь увидеть что-то ещё. Что-то, что могло стоять за его спиной.

И в этот момент он снова услышал шуршание. То самое, из вестибюля. Оно доносилось из коридора, по которому он только что бежал. Медленное, тягучее, с тем же влажным, чавкающим аккомпанементом. Оно приближалось. Неотвратимо.

Артём не стал ждать. Он метнулся в другой коридор, тот, что вёл, как ему казалось, в сторону спортивного зала. По крайней мере, так было в реальном университете. Здесь же он не был уверен ни в чём. Но у него не было выбора.

Он бежал, стараясь ступать как можно тише, но его шаги всё равно отдавались эхом, предательски громким в этой мёртвой тишине. Он нырлял в тени, пригибался у стен, обходил застывшие фигуры, которые здесь, в этом крыле, были особенно многочисленны. Студенты в спортивной форме, с рюкзаками, с бутылками воды, застывшие в самых неестественных позах. Одна девушка стояла, опираясь на перила лестницы, её голова была запрокинута назад, а рот открыт так широко, что казалось, он вот-вот порвётся. Другой парень сидел на корточках,

закрыв лицо руками, словно плакал. Но из-под его пальцев не доносилось ни звука. Только пустота.

Он заметил, что с каждым разом, когда он пробегает мимо них, ему кажется, будто их головы слегка поворачиваются в его сторону. Сначала он списывал это на игру света и своё расшатанное воображение. Но потом это стало слишком очевидным. Они следили за ним. Не поворачивая глаз, которых у них не было, но самым фактом своего присутствия, самой своей застывшей плотью. Они знали, где он. Они чувствовали его. Они были частью этого мира, его сенсорами, его нервными окончаниями.

Он вбежал в спортивный зал. Огромное помещение с высокими потолками, теряющимися в полумраке. Здесь не было свечей. Свет исходил от огромных окон, но за ними всё та же серая пелена. В этом рассеянном, безжизненном свете спортзал выглядел как чудовищная декорация к кошмару. Баскетбольные щиты висели на стенах, как виселицы. Канаты, свисающие с потолка, казались щупальцами какого-то гигантского чудовища.

На площадке, в центре зала, застыла группа манекенов. Это были студенты, одетые в спортивную форму. Они застыли в середине игры. Один, с баскетбольным мячом в руках, был изображён в прыжке. Его ноги не касались пола. Он парил в воздухе, словно замороженный в момент броска. Другие стояли вокруг, их руки были подняты, рты открыты в немом крике. Их пустые глазницы смотрели на мяч, которого так и не увидели.

Эта сцена была настолько детализированной, настолько живой и одновременно мёртвой, что Артёма передёрнуло. Он вспомнил слова записки: «Они сначала перестают двигаться». Значит, эти спортсмены были когда-то людьми, попавшими сюда, как и он. И они не выдержали. Или не успели. Или их застало то самое «Оно», о котором говорил слепец.

Он медленно обошёл площадку по периметру, стараясь не поворачиваться к застывшей группе спиной. Ему нужно было найти выход на другую сторону, к лестнице, ведущей в подвал. К той самой лестнице. Он помнил, что из спортзала был запасной выход в технический коридор, который соединялся с подвальным этажом.

Он дошёл до дальней стены, где находилась дверь. Она была железной, без таблички, выкрашенная в серый цвет. Он нажал на ручку. Дверь открылась с тихим, протяжным скрипом, резанувшим по нервам. Из темноты пахло сыростью и холодом. Это был тот самый запах, что шёл от лестницы. Запах подвала.

Артём шагнул внутрь. Тьма сразу сомкнулась за его спиной, отрезая путь обратно. Он достал телефон, включил фонарик. Луч света выхватил узкий, бетонный коридор, стены которого были покрыты трубами и кабелями. Всё выглядело заброшенным, но не так, как в реальном мире. Здесь не было паутины и пыли, но была какая-то гнетущая запустелость. Трубы не гудели, кабели не трещали. Всё было мертво.

Он пошёл вперёд, ведя лучом по сторонам. Тишина здесь была особенно плотной, она давила на уши, словно вата. Только звук его собственных шагов, казавшийся невыносимо громким, нарушал этот покой. Ему казалось, что он спускается всё ниже и ниже, хотя пол оставался ровным. Ощущение глубины было обманчивым, но оттого ещё более пугающим.

Наконец коридор закончился. Он вышел в небольшое помещение, которое в реальном университете служило бойлерной. Здесь стояли огромные, ржавые баки, молчаливые и холодные. На стенах висели старые манометры, стрелки которых застыли на нуле. Всё это было похоже на склеп для машин.

И тут он увидел ещё одну записку. Она была приклеена к одному из баков, на уровне глаз, куском жёлтого скотча. Та же бумага, тот же почерк. Дрожащими руками Артём оторвал её и поднёс к свету фонарика.

«Если ты дошёл сюда, ты либо глуп, либо очень упрям. Я был таким же. Я хотел найти выход. Но выхода нет, кроме лестницы. Она появляется только тогда, когда время истекает. Не ищи её раньше — только потратишь силы. Их здесь не так много, как кажется. Этот мир

питается твоим страхом. Чем больше ты боишься, тем быстрее он тебя переваривает. Я это понял слишком поздно. Береги себя. Не беги. Иди. И не оборачивайся. Оно всегда идёт за тобой. Оно почти тебя настигло, когда ты обернулся».

Артём перечитал последнюю фразу несколько раз. Его пробрал озноб. «Не оборачивайся. Оно всегда идёт за тобой». Значит, то шуршание, то чавканье — это не паранойя. Это реально. Кто-то идёт за ним. Всё это время. И сейчас, пока он читает эту записку, это существо стоит за его спиной, в тёмном проёме двери, из которой он только что вышел.

Волосы на затылке зашевелились. Он физически ощутил чей-то взгляд. Тяжёлый, липкий, полный нечеловеческого голода. Он слышал, как позади него раздалось тихое, влажное дыхание. Неровное, прерывистое, словно существо с трудом сдерживалось, чтобы не наброситься на свою жертву.

Сердце рухнуло в пятки. Дыхание перехватило. Тело стало ватным, непослушным. Ему хотелось кричать, но горло сжал спазм. Ему хотелось бежать, но ноги приросли к полу. Единственное, что он не мог сделать, — это обернуться. Записка сказала: не оборачивайся. Слепец сказал: оно идёт. И теперь оно стояло здесь, в шаге от него.

Он почувствовал, как холод, исходящий от существа, коснулся его спины. Этот холод был не физическим, а каким-то иным, проникающим сквозь одежду, сквозь кожу, прямо в кости. Пахло от существа не гнилью и не смертью, а чем-то другим. Запахом пустоты. Запахом застывшего времени.

Артём закрыл глаза. Он заставил себя думать о чём-то другом. О доме. О тёплом свете лампы над письменным столом. О голосе матери, зовущей его ужинать. О смехе друзей. Об обычной, нормальной, живой жизни, которая сейчас казалась ему нереальной, сказочной страной, в которую никогда не вернуться.

Он не знал, сколько он так простоял. Минуту. Час. Вечность. Но постепенно ощущение чужого присутствия стало ослабевать. Влажное дыхание за спиной стихло. Холод отступил. Когда он набрался смелости и открыл глаза, в бойлерной снова было пусто. Только он, ржавые баки и тишина.

Он медленно выдохнул. По вискам струился пот. Руки дрожали так, что он едва мог держать телефон. Он посмотрел на таймер. Прошло всего двадцать минут с тех пор, как он его запустил. Двадцать минут. Он был здесь всего около часа, а уже чувствовал, что прошла целая жизнь.

Он сел на пол, прислонившись спиной к холодному баку. Нужно было перевести дух. Сил не осталось. Он чувствовал себя выжатым, как лимон. Всё тело ломило, голова раскалывалась. Ему хотелось пить. Хотелось есть. Хотелось спать. Спать... Записка предупреждала: если уснёшь, останешься здесь навсегда.

Он с силой ущипнул себя за предплечье. Боль вспыхнула ярко, разгоняя дремоту. Нет, спать нельзя. Ни в коем случае.

Он поднял глаза и обвёл лучом фонарика помещение. Нужно было найти что-то, что могло бы ему помочь. Оружие? Вряд ли. Но хотя бы трубу или кусок арматуры. Сейчас ему было бы спокойнее с чем-то тяжёлым в руках.

Он нашёл в углу старый, ржавый лом. Идеально. Артём взял его, ощутив приятную тяжесть холодного металла. С этим было не так страшно. Хотя, если подумать, против того существа, что дышало за его спиной, лом был бы бесполезен, как спичка против урагана. Но всё же это было лучше, чем ничего.

Он поднялся на ноги. Стоять на месте больше было нельзя. Этот мир, как говорил слепец, чувствует его. Чувствует его тепло, его страх. Значит, нужно двигаться, но не бежать. Идти. И не оборачиваться, что бы ни случилось.

Он вышел из бойлерной в другой коридор, надеясь, что тот выведет его обратно на лестничную клетку. Ему нужно было наверх, на первый этаж, потому что оттуда, по его расчётам,

должен был быть проход к архиву. Но когда он открыл дверь в конце коридора, то снова очутился не там, где ожидал.

Это была библиотека. Огромный зал с высоченными стеллажами, уходящими под потолок. Стеллажи были забиты книгами, но ни одна из них не была той, что должна была быть. Артём подошёл к одной из полок и вытащил наугад первый попавшийся том. Обложка была из тёмной, грубой кожи, без единой надписи. Он открыл книгу. Страницы были пусты. Он пролистал её — все до единой. Пусто. Он взял другую. То же самое. Пустые страницы, белые, как глаза слепца.

Это было чудовищно. Библиотека без слов. Храм знаний, заполненный пустотой. Артём захлопнул книгу и с силой задвинул её обратно на полку. Ему показалось, что он слышит тихий, шелестящий смех, доносящийся отовсюду и ниоткуда.

Он поспешил уйти из этого места. Ему нужно было найти место, где он сможет переждать. Безопасное место. Если в этом мире вообще были безопасные места.

Он прошёл мимо застывших фигур, которые сидели за столами с пустыми книгами в руках. Они смотрели на белые страницы, их пустые глазницы были направлены в пустоту. И Артёму показалось, что их лица искажены не покоем, а застывшим, вечным криком отчаяния. Они тоже искали ответы. И не нашли их.

Наконец, после долгих блужданий, он вышел к знакомой двери. Та самая, зелёная, обшарпанная, рядом с архивом. Сердце его подпрыгнуло. Он нашёл её! Ту самую лестницу! Но, подойдя ближе, он понял, что это не его лестница. Это была всего лишь дверь в архив. А дверь рядом с ней, та, что вела в подвал, исчезла. На её месте была ровная, гладкая стена, как будто её никогда и не было.

Артём в отчаянии провёл рукой по стене. Краска была холодной и гладкой. Ни щелей, ни трещин. Стена была монолитной. Он начал лихорадочно ощупывать её, в надежде найти хоть какой-то признак двери. Тщетно.

Он опустил руки. На глаза навернулись слёзы бессилия. Лестница исчезла. Та самая лестница, что привела его сюда, пропала. «Она появляется только тогда, когда время истекает», — вспомнил он слова из записки. Значит, ждать. Ждать двадцать три часа.

Он посмотрел на таймер. Двадцать два часа пятьдесят восемь минут. Он был здесь почти час. Осталось двадцать два часа пятьдесят восемь минут. Целая вечность.

Он отступил от стены и огляделся. Свет в этом коридоре был тусклым, свечи едва горели. Застывшие фигуры стояли вдоль стен, как солдаты на параде. Они, казалось, смотрели на него с немым укором. Или с жалостью.

Артём снова взглянул на свою руку. И замер. На тыльной стороне ладони, между большим и указательным пальцем, появилось небольшое пятно. Оно было серым, матовым, не похожим на синяк или грязь. Он потёр его пальцем. Пятно не стиралось. Кожа в этом месте была гладкой, но не живой. Она была как воск. Как у тех манекенов.

Страх, который до этого тугим клубком сидел где-то в животе, поднялся вверх, сжав горло ледяной рукой. Он посмотрел на таймер. Двадцать два часа пятьдесят семь минут. Он провёл здесь всего час, а его тело уже начало меняться. Что же будет через двадцать три часа?

Он вспомнил ту женщину, чьё плечо он тронул. Её кожу, тёплую, но неживую. Её лицо, повернувшееся на сто восемьдесят градусов. Он представил, как его собственная кожа становится такой же, как у неё. Как его глаза гаснут, превращаясь в пустые впадины. Как его рот застывает в немом крике.

Этого не будет. Он не даст этому случиться.

Он сжал лом в руке до хруста в пальцах. Ему нужен был план. Не просто блуждать по коридорам, а план. Первое — не спать. Второе — не бояться, потому что страх ускоряет превращение. Третье — дождаться лестницы.

Но как заставить себя не бояться в этом кошмаре? Ответа он не знал. Но он знал, что если поддастся отчаянию, то пропадёт. Нужно было найти хоть какую-то опору. Хоть что-то, что связывало бы его с реальным миром.

Он снова достал телефон. Таймер всё ещё шёл. Он открыл фотоальбом и начал листать старые снимки. Вот его родители на даче. Вот он с друзьями на море. Вот его пёс, старый, ленивый лабрадор. Эти фотографии были единственным доказательством того, что тот, другой мир существует. Что он не всегда был здесь, в этом застывшем аду.

Он смотрел на них, чувствуя, как к горлу подкатывает комок. Ему нужно было вернуться. Ради них. Ради себя. Ради того, чтобы снова увидеть солнце, не это серое марево за окнами, а настоящее, живое солнце.

Он выключил телефон и спрятал его в карман. Он сделал глубокий вдох, стараясь унять дрожь. Затем он поднял лом и двинулся дальше по коридору. Прочь от исчезнувшей двери. Прочь от стен, которые сомкнулись, отрезая путь к спасению.

Он решил идти в актовом зал. В его университете это было самое большое помещение. Возможно, там он сможет укрыться. Или, по крайней мере, не будет чувствовать себя зажатым в тиски коридоров.

Он шёл, стараясь не смотреть на застывшие фигуры, на их пустые лица, на их уродливые, изломанные позы. Он смотрел только вперёд, на тёмный проём двойных дверей в конце очередного перехода.

Но чем ближе он подходил, тем сильнее становилось чувство, что за ним наблюдают. На этот раз это были не тени и не манекены. Это был кто-то другой. Кто-то, кто прятался в нишах, за колоннами, за углами. Кто-то, кто был так же жив, как и он.

Он остановился. Тишина сомкнулась вокруг, звеня в ушах. Он прислушался. И снова слышал это. Не шуршание. Шёпот. Едва различимый, на грани слышимости. Он доносился откуда-то сбоку, из-за приоткрытой двери, ведущей в одну из аудиторий.

Шёпот был неровным, сбивчивым. Словно кто-то разговаривал сам с собой. Или с кем-то, кого Артём не видел.

Он подкрался к двери и заглянул внутрь. Аудитория была пуста, не считая одинокой фигуры, стоявшей у доски. Это был манекен преподавателя. Он стоял спиной к двери, его рука была поднята, словно он писал мелом на доске. Но мел в его пальцах был цел, а доска была пуста.

Шёпот доносился не от него. Он шёл из-за кафедры. Артём осторожно вошёл внутрь, стараясь не скрипеть половицами. Шёпот стал громче. Он подошёл ближе. И увидел.

За кафедрой, на корточках, сидела девушка. Живая. Она обхватила колени руками, её лицо было спрятано в ладонях. Она раскачивалась вперёд-назад и шептала что-то неразборчивое. Её волосы, тёмные, спутанные, рассыпались по плечам.

Артём замер. Живой человек. Здесь! Впервые за всё это время он встретил кого-то, кто не был манекеном. Сердце его забило с новой силой, но теперь это была не только паника, но и робкая надежда.

— Эй, — тихо позвал он, боясь её испугать. — Ты... ты живая?

Девушка вздрогнула и резко подняла голову. Её лицо было бледным, измождённым, под глазами залегли тёмные круги. Взгляд её был диким, загнанным, полным первобытного ужаса. Она уставилась на Артёма, но смотрела словно сквозь него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.